

УДК 821.133.1 (Французская литература)

**ЭВОЛЮЦИЯ ЭПИГРАММАТИЧЕСКОГО ЖАНРА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ:
ОБЗОР ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ**

© 2024 С.Р. Недбайлик¹, Л.Ю. Калинина²

*Недбайлик Сабина Рудольфовна, доцент, кандидат филологических наук,
доцент кафедры немецкого и французского языков Института иностранных языков
E-mail: snedbailik@mail.ru*

*Калинина Лариса Юрьевна, доцент, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры дошкольного образования
E-mail: klar1992@gmail.com*

¹Петрозаводский государственный университет
Петрозаводск, Россия

²Самарский государственный социально-педагогический университет
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 10.12.2023

В статье рассматриваются основные направления эволюции эпиграмматического стиля во французской литературе различных исторических периодов. В этой связи проводится диахронический обзор характерных особенностей и проявлений жанра, с акцентированием тесных генетических связей эпиграммы с другими малыми литературными формами, как то: эпитафия, фаблио, элегия, мадригал, фельетон, памфлет и др. Говоря о значимости античных литературных традиций в становлении французского эпиграмматического стиля, автор отдает дань бесспорной самобытности и этнокультурной уникальности наиболее древнего малого жанра - эпитафии, которая формировалась параллельно с эпиграммой на протяжении нескольких веков, в теснейшей взаимосвязи и взаимообусловленности. Именно это и обусловило широкие возможности варьирования функциональных черт и признаков эпиграмматического стиля в более поздние исторические периоды: Средневековья, Ренессанса, Просвещения, Классицизма и т.д. Результаты анализа обширного теоретического и практического материала, проведенного в ходе исследования, дают полное основание полагать, что традиции эпиграмматического стиля, заложенные еще античными авторами греко-римской школы, нашли свое достойное продолжение во французской литературе всех исторических эпох и имеют бесспорную перспективу дальнейшего самостоятельного развития в настоящее время.

Ключевые слова: эпиграмма, жанр, направление, эволюция, форма, сатирический, черта, французская литература
DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-94-17-29
EDN: AMWWLI

Введение. Как известно, эпиграмма, являясь малой литературной формой, представляет собой краткое и лаконичное стихотворение, отличающееся саркастичной манерой описания окружающей действительности и двухкомпонентной структурой: это сама посылка и противоречащий ей вывод [13, с.236]. В этой связи эпиграммами традиционно называются те произведения, в композиции которых заложена основная и специфическая особенность: контраст между предполагаемым и фактическим, но неожиданным финалом. Иначе говоря, комический эффект в этом случае построен на приеме обманутого ожидания или неожиданной концовки. Причем наиболее ярким признаком этого жанра, помимо

сатиричности и безусловной краткости, можно считать конкретность, связывающую произведение с каким-либо отдельным «случаем», реальным событием или прототипом [13, с. 237]. Вполне понятно, что эпиграмматические произведения, не предполагающие по структуре и композиции никакого противоречия между двумя частями, можно по праву считать нетрадиционными.

История вопроса. Данная тема исследовалась в различных ракурсах в работах российских и зарубежных литераторов, начиная с конца 19-го в. (Е.Д. Анастасьина и Ю.В. Бутько [1], М.В. Соловьева [14], А.Д. Михайлов [7], К. Gladu [18], Р.М. Smith и С.А. Mayer [20] и др.). Представленный в

них практический и теоретический материал довольно обширен, разнообразен и интересен. Однако далеко не во всех исследовательских трудах четко прослеживается преемственность между историческими периодами формирования эпиграмматического стиля, равно как и генетическая связь между теми или иными малыми формами, зарождение и развитие которых во многом создало предпосылки для последующей эволюции эпиграммы как самостоятельного литературного направления. Необходимость акцентирования этих аспектов и обуславливает актуальность данной статьи.

Методы исследования. В работе используются следующие методы: сравнительно-сопоставительный, описательный; целостного филологического анализа текста, а также стилистического, историко-хронологического и лексико-семантического анализа.

Результаты исследования. Говоря об истории развития французской эпиграммы, необходимо отметить ее тесную связь с развитием самого языка, который прошел в своей исторической эволюции четыре основных периода: старофранцузский, среднефранцузский, ранненовофранцузский и новofранцузский. Вполне очевидно, что каждый из этих периодов имеет свои особенности и характеристики, которые смогли оказать влияние не только на само языковое состояние, но и на многие виды искусства, в том числе литературу. Так, местом рождения и первоначального становления французской эпиграммы можно по праву считать Древнюю Грецию, где появление этого малого жанра (тогда ещё называемого просто «надписью») связывают с распространением первой алфавитной письменности в конце IX - начале VIII вв. до н.э. [16]. Первоначально эпиграммы возникали как надписи на мемориальных предметах, жертвенных треножниках, статуях божества, получая функциональную предназначенность посредников между простыми смертными и Богами. В них обычно сообщалось, кем и когда были воздвигнута стела или установлен алтарь. Позже такие надписи приобрели лексический «декор» и превратились в более подробные рассказы, а иногда и в моралистические рассуждения. Затем их сменили острые жизненно-бытовые зарисовки, этюды и сатирические обобщения. Причем этот переход от собственно надписей к емкому эпиграмматическому стилю происходил относительно быстро. Так, если у

родоначальника жанра Симонида Кеосского (556–468 гг. до н. э.) эпиграмма еще оставалась надписью, то уже у Платона (427–347 гг. до н. э.), Асклепиада Самосского (III в. до н. э.), Каллимаха (310–240 гг. до н. э.) и, наконец, у Мелеагра (I в. до н. э.) этот жанр уверенно прошел первоначальные стадии описания и лирического размышления, во многом сблизившись с элегией [16].

Первым известным сочинителем эпиграмм и эпиграмматических эпитафий по праву считается Симонид Кеосский, признанный мастер хоровой поэзии. Фактически ему приписывают гораздо больше произведений, чем им было сочинено в действительности, но это не преуменьшает его заслуг в создании образа античной поэзии древней Греции. Дальнейшее развитие эпиграммы происходило уже в поэтическом искусстве древнего Рима и тесно связано с творчеством Сенеки, Катутла и Марциала. Причем именно благодаря вкладу Марциала получило развитие то самое сатирическое направление в литературном жанре [5], которое постепенно стало его неотъемлемой чертой. Так, на счету этого прославленного эпиграмматиста Древнего Рима более полутора тысяч произведений, которыми во многом и определялась дальнейшая судьба данного малого жанра. Эпиграмматическая система Марциала оказала решающее воздействие на его развитие, охватив практически все стороны жизни римского общества того времени, а, тем самым, затрагивая самые разные слои населения. Хотя в данный жанр и было привнесено что-то новое в виде сатирических элементов, античная эпиграмма сатирической по преимуществу еще не становилась. Особенно наглядно это проявлялось в эпоху заката Римской империи, когда христианская церковь стала играть главенствующую роль культурно-просветительного центра. Говоря об основных формальных признаках ранней классической эпиграммы, необходимо отметить ее предельную лаконичность и соответствие ритмическим нормам античности, а именно, неизменную форму элегического дистиха [11]. Что касается сатирического характера, то он не являлся характерной чертой этого жанра, хотя уже в то далекое время начинали различаться произведения с лирической и сатирической направленностью. Соотнесенность самого термина-понятия «эпиграмма» с малой формой сатирического содержания закрепились гораздо позже, в новoeвропейской поэзии XVI в. [7]. Приблизительно с VII-VI

вв. до н.э. эпиграмматические надписи и эпитафии уже отличались излишней эмоциональностью, что, в свою очередь, могло противоречить изначальной простоте текста [19]. Наполнение их комическими чертами имело место под влиянием сатирических ямбов древнегреческих лириков, комедий и фольклора, ритуальных и застольных песен.

В эпоху средневековья интерес к жанру не ослабевал, эпиграммы писали по-латыни и по-гречески, но ещё охотнее авторы переписывали старые вирши, создавая обширные эпиграмматические антологии. Средневековые поэты не хотели выходить за рамки античных традиций, придерживаясь их даже в своих оригинальных произведениях. Вполне очевидно, что в это время сатирическая эпиграмма находилась в состоянии затухания. В начале так называемого нового времени французские поэты, тяготевшие к античным традициям и древним канонам, вынуждены были преодолевать на своем пути инерцию средневекового мышления, а порой даже непристойную грубость народного юмора. В это время эпиграмма переставала быть для них жанром исключительно моралистическим, потому что французскими авторами в нее привносится так называемый «острый галльский смысл». Именно

поэтому многие шутки нередко превращались из нарочито грубых и непристойных, фарсовых в моралистические философские выводы [18]. Обращение поэтов позднего средневековья, Ренессанса к античной эпиграмме было не только одним из симптомов «возрождения классической древности» [7]. В целом, литераторы той эпохи старались и далеко небезуспешно, побороть свою сословную и классовую ограниченность, осознавая право, силу свободного человеческого интеллекта и художественного слова, прекрасно чувствуя и раскрепощая античную идеологию эпиграмматического жанра [3]. Причем первым подлинным мастером французской эпиграммы эпохи Ренессанса можно по праву считать поэта К. Маро (1497–1544), на счету которого около 300 стихотворных миниатюр. Именно этому автору удалось объединить в своем творчестве античный опыт со специфическим галльским юмором, нередко переходящим в пародийность. В поэтическом творчестве К. Маро просматриваются лишь две сквозные темы, одна из которых – любовь. И здесь автор предстаёт характерным поэтом Ренессанса, славящим любовь как естественное человеческое чувство, не признающее никаких преград. Например:

De soi-même

*Plus ne suis ce que j'ai été,
Et plus ne saurais jamais l'être:
Mon beau printemps et mon été
Ont fait le saut par la fenêtre.
Amour, tu as été mon maître,
Je t'aiservi sur tous les Dieux:
Ah! si je pouvais deux fois naître,
Comme je te servirais mieux! [18, с. 297]*

Бесспорной заслугой К. Маро является то, что он создал во французской литературе свой собственный авторский стиль, который позже стал называться его именем – «маротический». Причем наиболее характерные признаки этого стиля – простота и естественность. Внешне простодушные, слегка наивные и меланхоличные эпиграммы поэта, построенные на типично средневековых размерах (десятистложнике) и строфике (восьмистишиях и десятистишиях), архаичной лексике, имплицитно несут в себе известный артистизм и изящество [18]. К. Маро был и блистательным зачинателем, хотя поэтам его «школы», к сожалению, не удалось продолжить путь своего

учителя. Это во многом объясняется тем, что эпиграмма тогда ещё только создавала свои новые жанровые характеристики, и далеко не все из них смогли сразу закрепиться. Однако помимо своих бесспорных характеристик – лаконизма и неожиданности развязки – многие произведения того времени уже начинали «обрастать» известной и ярко злободневной сатиричностью. Причем особенностью средневековой сатиры была ее направленность не столько против отдельных личностей, персонажей либо человеческого порока как такового, а скорее против конкретных проявлений порока как реализации некоего неизменного всеобщего зла [19]. Многие

произведения средневековых мастеров слова, таких как Ф. Вийон - Монкорбье (1431-1462), Ф. Рабле (1494-1557) отличались не только сатиричностью, но и известным пародированием, которое, как правило, сводилось к подражанию канонам, повторяя их формальные черты и нередко

преувеличивая их до абсурда. В качестве примера такого пародирования можно привести известное стихотворение Ф. Вийона, написанное им в критический момент жизни, а именно в ночь перед предполагаемой казнью, и поэтому часто называемое «автоэпитафией»:

Quatrain

*Je suis François, don't il me poise,
Né de Paris emprés Pontoise,
Et de la corde d'une toise
Saura mon col que mon cul poise» [18, p. 234].*

*Я Франсуа, чему не рад:
Ведь ждет петля злодея,
И сколько весит этот зад,
Узнает скоро шея.
(Перевод В.В. Левика)*

Нетрудно предположить, что многие авторы в своих пародиях охотно прибегали в комических целях к сарказму и гротеску [14]. Ярким примером тому может служить знаменитое произведение Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», по праву считающееся образцом пародийно-сатирического стиля, характерной чертой которого является прежде всего игровая трансформация как средство переноса сюжетов, тем, идей, персонажей, значений и признаков из одного (кон)текста в другой для достижения нужного комического эффекта [18]. Однако необходимо отметить, что в целом средневековые пародии, как правило, отличались отсутствием целевой направленности на какое-либо литературное произведение или на личный авторский стиль. Протословом в это время становилось проходящее красной нитью через всю средневековую литературу понятие этикетности, которая определяла нормы

поведения героев тех или иных литературных жанров [11]. В то же время многие комедийно-сатирические произведения той эпохи, затрагивая определенные социальные темы, были направлены против определенных социальных и религиозных категорий (сарацины, языческие божества, идолы, догматы мусульманства), а также против нравственных пороков, получивших в средневековом обществе социальный статус (трусость и слабость, жадность монархов, их неблагодарность по отношению к вассалам и др.). Характерным для средневековых авторов-сатириков было и использование в произведениях разных жанров так называемого черного юмора как типа комического, объектом которого выступали физические и душевные страдания, увечья, раны и даже смерть. Ярким примером тому могут служить фрагменты из эпического цикла Г. Оранжевого:

*...Mes que mon nez ai
Un peu accourcié
Ge ne sai certes com sera aloignié» [14, c. 136].*

*...Теперь, когда мой нос немного укорочен.
Конечно, я не знаю, как он будет удлинен
(Перевод В.В. Левика).*

*...Mes que mon nes ai un
Poi escorchié,
Bien sai mes noms en sera alongiés» [14, с. 138].*

*...Теперь, когда мой нос
Немного ободран,
Я уверен, что имя мое от этого будет удлинено.
(Перевод В.В. Левика)*

Как известно, любое физическое уродство в Средние века считалось достойным осмеяния, так как отражало уродство душевное. Рана Гильома была тем более постыдной, что подобные увечья наносились в качестве наказания разбойникам и преступникам. Причем в данном случае в манускрипте делается явный акцент не на самой ране, а на последующем удлинении имени героя, которого отныне все называли Гильомом Коротконосым (*Guillaume au cort nés*). Вполне очевидно, что в этой эпической поэме используются элементы не только сатиры, но и черного юмора.

К известным сатирическим произведениям того времени безусловно относится и знаменитый роман Э. Ростана «Сирано де Бержерак», прототипом главного героя которого является знаменитый французский драматург, поэт, писатель и философ. Это имя, непосредственно ассоциируемое как с реальным историческим персонажем, так и с гротескным прототипом, т.е. человеком с

огромным носом, уже давно стало нарицательным. В данной комедийной и одновременно романтической пьесе, сделавшей имя ее автора бессмертным, постоянно соседствуют остроумие, храбрость, робость и беззаветная любовь к женщине. Написанная во время правления Людовика XIII, она рассказывает драматическую историю одного из лучших фехтовальщиков Франции, храброго и умного воина с лицом шута и паяца, трагического поэта, певца безответной любви. Гордый Сирано де Бержерак смело и открыто высмеивает свой физический недостаток – огромный нос, который был в эпоху средневековья таким же символом позора, как и коротконосие Гильома, героя эпического цикла Г. Оранжского [14]. Именно в этом произведении со столь же ярко выраженной пародийно-сатирической составляющей как нельзя более явно проявляются наиболее характерные черты само-иронического стиля. Приведем в качестве иллюстрации несколько цитат, реплик главного героя:

*Un nez!.. Ah! messeigneurs, quell nez que cenez-là!..
On ne peut voir passer un pareil nasi gère
Sans s'écrier: « Oh! non, vraiment, il exagère!» [14, с. 126]*

*Tournez !
Ou dites-moi pourquoi vous regardez mon nez.
Qu'a-t-il d'étonnant?
Est-il mol et ballant, monsieur, comme une trompe?
Ou crochu comme un bec de hibou?
Y distingue-t-on une verrue au bout? [14, с. 119]*

Содержание данных текстовых фрагментов безусловно отмечено не только изрядной долей самоиронии, сарказма, но и определенной гротескностью, что вполне в духе литературного стиля того времени. В целом вопрос о статусе пародийно-сатирической направленности французской средневековой литературы до сих пор не получил однозначного разрешения. Так,

некоторые зарубежные исследователи [18, 19] констатируют явное присутствие отдельных сатирических образов и элементов в эпических поэмах, другие отмечают превалирование пародийно-сатирических пасквилей, памфлетов, адресованных как монархам, так и отдельным представителям монашества. Однако в любом случае все выше означенные тенденции более

чем красноречиво свидетельствуют о явном изменении литературных стандартов, а соответственно, о выдвигении и широком распространении так называемых крупных комедийно-сатирических жанров: пьес, пасквилей, поэм, фавлю, романов и др., что, в свою очередь, немало способствовало «задвиганию на задворки» малых литературных форм и, в частности, эпиграмм. Действительный интерес к эпиграмме вернулся несколько позже, когда того потребовала внутриполитическая обстановка в стране, а именно, решительное размежевание во французском обществе, находящемся в течение тридцатилетия в состоянии непрерывной гражданской войны. Именно тогда эпиграммы стали широко и самым активным образом использоваться в религиозной полемике и политической борьбе. Иначе говоря, Франция XVI в. послужила местом расцвета эпиграмматического стиля в европейской литературе, что впоследствии привело к глобальному распространению этого жанра в других литературных традициях, в том числе, и в восточнославянской [20].

Как известно, эпоха позднего средневековья явилась периодом бурного развития литературно-критической мысли и ожесточенной борьбы литературных взглядов. Причем именно во Франции наиболее ярко обозначился процесс их размежевания, в результате которого главенствующим направлением в культуре и искусстве стал классицизм. На первом плане в это время оказались защитники теории, восходящей к итальянской традиции, но приближенной к практике

французского театра. Молодые писатели-реформаторы, заявившие о себе уже в начале 60-х гг. XVII в. (Ж.Б. Мольер, Н. Буало, Ф. Малерб, Ж. Лафонтен, Ж. Расин), занимали активную позицию защиты независимости художественного содержания как в искусстве театра, так и в литературе в целом [20]. В своих произведениях они фактически не отделяли свою критическую деятельность от художественного творчества, что особенно наглядно проявлялось как в пьесах Ж.Б. Мольера «Смешные жеманницы», «Критика школы жен», «Версальский экспромт» [11], так и в стихотворениях, баснях сатирических посланиях, пародиях целого ряда авторов. Не остались в «великое столетие» на периферии и малые литературные жанры. Причем, вопреки бытующему суждению о том, что эпиграммы и эпиграмматические эпитафии пребывали в то время в «хаотическом состоянии», необходимо отметить, что именно тогда эпиграмматическое искусство пышно расцветало, оттачивая свои приемы, привлекая постоянное внимание значительных поэтов, как то: П. Корнель, П. Скаррон, Ф. Менар, Ж. де Лафонтен и др. Так, французский поэт-реформатор Н. Буало (1636–1711) написал более трех десятков посвящений, памфлетов, пародий, стихотворений в эпиграмматическом жанре, придерживаясь в своих работах безусловной краткости и остроумия, не вдаваясь в иные детали. Автор отмечал неизбежное проникновение стихии шуток и каламбура и в другие литературные жанры, что можно проследить на примере одного из его произведений:

Épigramme

*L'Épigramme, plus libre en son tour plus borné,
N'est souvent qu'un bon mot de deux rimes orné.
Jadis, de nos auteurs les pointes ignorées
Furent de l'Italie en nos vers attirées.
Le vulgaire, ébloui de leur faux agrément,
À ce nouvel appât courut avidement.
La faveur du public excitant leur audace,
Leur nombre impétueux inonda le Parnasse.
Le madrigal d'abord en fut enveloppé;
Le sonnet orgueilleux lui-même en fut frappé;
La tragédie en fit ses plus chères délices;
L'élégie enornases douloureux caprices;
Un héros sur la scène eut soin de s'enparer,
Et, sans pointe, un amant n'osa plus soupirer
On vit tous les bergers, dans leurs plaints nouvelles,*

Fidèles à la pointe encor plus qu'à leurs belles [19, с. 256].

Именно афористичность, краткость, точность мысли, образность и изящество слога сделали многие пародии и эпиграммы Н. Буало подлинными шедеврами литературного творчества, значимыми историческими документами, не потерявшими своей ценности и поныне. Причем эти качества были в большей или меньшей степени присущи многим другим литературным произведениям той эпохи. Нетрудно предположить, что именно в рамках направления классицизма, с его идеями подражания античности, культом барокко, были созданы оптимальные условия для расцвета эпиграммы как малой формы, которая постепенно обретала свои наиболее характерные черты [11]. Теперь этот жанр как чисто сатирический становится весомым и незаменимым оружием в литературных, политических дебатах, закулисных играх. Недаром великий просветитель Ш.А. Монтескье [18] называл эпиграммы «маленькими отточенными стрелками, наносящими глубокие и неизлечимые раны». Причем в XVII в. эпиграмма была уже рассчитана на определенный круг читателей или слушателей, получая все более широкое распространение. Однако если авторы-сатирики более раннего времени публиковали свои произведения, предназначенные для узкого круга ценителей, то теперь они выходят в свет лишь в устной либо рукописной форме [11].

В это время можно говорить, по крайней мере, о нескольких направлениях в развитии эпиграмматического жанра во французской литературе [7]. Во-первых, речь идет о бытовой эпиграмме, осмеивающей мнимую честность судей, ханжество монахов, пустословие адвокатов, шарлатанство врачей, кичливость новоиспеченных дворян-нуворишей и т.д. Во многом эти темы пришли из предыдущего столетия, как и соответствующие им формы сторонников К. Маро [19]. Во-вторых, это эпиграмма политическая. Поскольку

данная эпоха была веком ожесточенной борьбы, продолжительных войн и народных бунтов, на все эти события французские поэты откликались быстро, смело, остроумно, причем некоторые литературные формы стали предметом самого широкого общественного интереса. Вполне очевидно, что в этот ряд попала и эпиграмма. Ни одно вызывавшее интерес литературное произведение эпохи, будь то роман, поэма или трагедия, не оставалось без эпиграмматического вступления [20]. Нетрудно предположить, что XVII в. не создал эпиграмматического канона как такового: сам жанр всё ещё оставался в большой степени формально периферийным и не «делал» литературу, лишь содействуя ее дальнейшему становлению и развитию. В то же время, эпиграмма во многом сформировала общественное мнение и повлияла на вкусы как авторов, так и читателей, что вполне объяснимо. Ведь она не была отгорожена от других жанров непреодолимой стеной, а, наоборот, тесно соприкасалась с другими сатирическими жанрами и формами, например, с комедией [3].

Любая литературная эпоха, как правило, не укладывается в жесткие хронологические рамки века, а смена стилей никогда не происходит одинажды и вдруг. Именно так век Людовика XIV неоправданно перешагнул в XVIII столетие. Вероятно, поэтому и первые эпиграмматисты эпохи Просвещения творили еще в духе и во вкусе предшествующей эпохи [18]. Таковы были эпиграммы Ф.М. Вольтера, Д. Дидро, Ж.Ж. Руссо, не оставивших своим вниманием этот «боевой» сатирический жанр. Причем первым в ряду эпиграмматистов «века Разума» можно смело назвать Ж.-Ж. Руссо (1671–1741), который решительно вернулся к традициям своего знаменитого предшественника К. Маро, его излюбленным формам, строфам, размерам:

*Ci gît l'auteur d'un gros livre
Plus embrouillé que savant.
Après sa mort il crut vivre,
Et mourut dès son vivant* [18, с. 237].

XVIII столетие часто называют «веком без поэтов», что вполне объяснимо: эпиграммы в это время писали все – политические деятели и негодяи, военачальники и ученые, принцы крови и простые буржуа. Но, прежде всего, этим,

конечно, «грешили» литераторы. Помимо Ж.Ж. Руссо, Ф. М. Вольтера, стилизаторов и подражателей, среди эпиграмматистов первой половины и середины века присутствуют также такие мастера художественного слова, как А. Пирон (1689–1773)

и Ж. Грекур (1683–1743). Все они в той или иной мере продолжают стилизаторско-архаизирующую линию великих просветителей - сатириков [19]. Впрочем, необходимо отметить, что некоторые из них, например, Ф.М. Вольтер, любили эпигramму более короткую и злую, хотя не

проходили мимо стихотворений в духе античных антологий. Причем более всего изобретательность Ф.М. Вольтера проявлялась в эпиграммах «на лица», в чем можно легко убедиться на следующем примере:

*En deux mots voulez-vous distinguer et connaître
Le rimeur dijonnais et le parisien?
Le premier ne fut rien ni ne voulut rien être.
L'autre voulut tout être et ne fut Presque rien [19, с. 281].*

К следующему поколению поэтов-эпиграмматистов бесспорно принадлежит знаменитый П.-Д. Экушар-Лебрен (1729–1807), самый крупный представитель жанра и в какой-то мере его теоретик. Доживший до времен Империи и не очень державшийся за свои убеждения – он был и весьма умеренным роялистом, и жесточенным

республиканцем, и пылким бонапартистом, – П.-Д. Лебрен завершает эволюцию эпиграммы XVIII в. [20]. Стремясь к лаконичности, поэт особенно заботился о неожиданности концовки, вот почему его эпиграммы стали своеобразным эталоном, и им так охотно подражали многие поэты того времени. Например:

Совет некоей даме

*Все знают, что у Вас, Аглая,
Есть ум и доброта, и стать.
Но берегитесь, дорогая,
Так часто это повторять [7, с. 184].
(Перевод В.В. Левика)*

Вполне очевидно, что юмористический эффект в данном случае полностью построен на приеме так называемого обманутого ожидания.

Несмотря на высокое качество сатирических миниатюр поэта, многие исследователи [7, 14, 15, 20] отмечают, что именно на П.-Д. Лебрен-Пиндаре заканчивается золотой век французской эпиграммы. Ведь под пером этого мастера слова из французских эпиграмм и эпиграмматических эпиграмм того времени начала исчезать сюжетность, а, соответственно, сужались побудительные причины создания остроумных виршей и, вслед за ними, сфера их распространения [7].

Во второй половине XVIII в. в сатирических произведениях некоторых французских поэтов вновь возникают дидактизм, навязчивое морализирование, в то время как другие жанровые контуры эпиграммы неизбежно смазываются, что приводит к ее постепенному смыканию с басней [3]. В итоге эпиграмматический жанр постепенно приходит в упадок. Так, если период Революции оставил ряд остроумных, метко бьющих в цель

стихотворений, то антинаполеоновская эпиграмма уже поражает своей явной сатирической «беспомощностью» [18]. О том значении, которое имела эпиграмма для Франции XVIII в., говорит, например, английский писатель и историк Т. Карлейль (1795–1881), окрестивший Францию этого периода «страной деспотизма, украшаемого эпиграммой» [19, с.145]. Воистину, это определение как нельзя более ярко характеризует особенности социально- политической обстановки в стране того времени, а именно, значительную сословную разобщенность, внутренние раздоры и противоречия, классовый антагонизм, что неизбежно находило отражение в творчестве литераторов.

В XIX в. эпиграмма не исчезает как малая форма во французской литературе, но резко сужает сферу своего обращения, являясь интересной и понятной лишь узкому кругу читателей, вне которого она фактически мертва. Сам жанр становится малозаметным, и большие мастера обращаются к нему очень редко, и то лишь в часы

досуга и по личным поводам. Тем не менее в это время продолжают появляться остроумные и резкие по направленности, лаконичные сатирические произведения, равно как и убежденные сторонники малых форм, подобно Ш. Мольво (1776–1844) [20]. Фактически эпиграмма во многом уходит в политическую сатиру, а её публицистические возможности резко возрастают за счёт слияния с энергетикой фельетона. Причем образцы жанра часто живут в людях анонимно, поскольку

мишенью их является сам монарх со своими царедворцами, включая министров. Соответственно, в сатирических произведениях этого времени всё больше резко обличительных, крамольных эпитетов и гротескной деформации предмета. Ярким тому примером является творчество революционного поэта-песенника, эпиграмматиста П. Ж. Беранже, который создал множество острых сатирических песен, направленных против монархии и ее устоев. Например:

*Расширять не думал царства
И превыше всех побед
Ставил счастье государства.
Слез народ при нем не знал.
Лишь как умер он, — взрыдал
Стар и мал... [19, с. 65].
(Перевод И.Ф. Тхоржевской)*

Нетрудно заметить, что в поэтике явно проглядываются элементы политической сатиры, окончательно сформировавшейся как литературное направление уже в конце XIX -XX вв.

В целом же следует признать, что во второй половине XIX в., по выражению известного исследователя М.И. Гиллельсона [1, с. 183], «существовали единичные, разрозненные выстрелы, а с середины 1830-х до середины 1850-х гг. эпиграмма «присмирела» и ждала подходящего часа, чтобы обрести второе дыхание». Но и когда оно появилось, жанр эпиграммы, всё теснее примыкая к памфлету, не совершил принципиальных открытий – сохранялась ориентация на авторский стиль поэтов эпохи Просвещения и начала столетия [14]. Соответственно, можно утверждать, что эпиграмматические произведения «в чистом виде» почти повсеместно уходят с широкой поэтической арены. В массовой печати, в газетах и

журналах их вытесняют памфлет, фельетон, карикатура. Именно в этой связи некоторые российские и зарубежные литературоведы-историки [1] провозглашают XIX столетие эпохой решительного заката эпиграмматического стиля во французской литературе, однако, в то же время, многие исследователи этого малого жанра [3,7,18] продолжают утверждать, что эпиграмма не исчезла, как таковая, но значительно обновилась, перейдя в иное качество. Причем во французской поэзии того времени появляется новый вид эпиграммы – экспресс-басня [20]. Согласно данным антологии Б. Лоррена [20], среди ведущих мастеров экспресс-басни можно назвать таких авторов, как А.Г. Виллар (Вилли), (1859–1931), А. Алле (1854–1905) и др. Большинство эпиграмм этого типа строится на игре слов (каламбурах), деструкции фразеологизмов, богатых и нестандартных рифмах, например:

*La bonne de Gaston mentait si tellement,
Que le pauvre aima mieux trancher sa destine [18, с. 347].*

Говоря о литературном наследии Франции XX в., необходимо отметить, что в эпиграмму в это время активно проникает так называемый черный юмор, или злой смех [20], который появился еще в сатирической литературе средневековья, неизбежно принося с собой сарказм и гротеск. Вполне очевидно, что действительность в таком свете предстает крайне негативно. В этой связи нельзя не упомянуть о творчестве французских

символистов конца XIX в.: Ш. Бодлера (1821–1867); А. Рембо (1854–1891), П. Верлена (1844–1896), С. Малларме (1842–1898), заслуживших особенностями своего стиля яркое название «проклятых поэтов» (les poètes maudits). Причем особого внимания среди этих мастеров поэтического слова заслуживает Ш. Бодлер. Именно его лирика, постоянно окрашенная в пессимистические, трагические тона, несущая на себе неизменную

печать безысходности, саркастические (авто)эпиграммы и пародии, написанные на злобу дня, знаменитые стихи в прозе до сих пор поражают читателей своей экспрессивностью, эмоциональностью, предельной остротой.

Именно такой стиль, присущий в той или иной степени большинству поэтов-символистов конца XIX в., можно условно обозначить термином «черный юмор». Вполне очевидно, что столь устойчивая общая пессимистическая и даже трагедийная направленность поэтического искусства того времени не могла не повлиять на особенности формирования и дальнейшего развития эпиграмматического стиля, который активно впитывал в себя все происходящие изменения и вынужденно отвечал навязываемым извне трендам. Все это особенно ярко сказалось на творчестве поэтов-сатириков XX в., в ряду которых можно назвать таких блестящих и всемирно известных мастеров слова, как Ж. Превер (1900-1977), М. Карем (1899-1978), Ж. Эйкард, Л. Арагон и др., чьи произведения нередко отличаются тонкой ироничностью, нестандартностью сюжетов, сатиричностью, яркостью образов и красок.

Выводы. Изучение многовековой истории развития малого жанра дает возможность определить следующую закономерность: практически каждый век, а иногда и несколько веков, выводили на авансцену автора очередной антологии эпиграмм и эпиграмматических эпитафий, причем из раза в раз создатели таких «гербариев» публиковали и публикуют свои собственные поэтические творения, как правило, включая их в общие хронологические рамки того или иного исторического периода. Каково же место эпиграмм, по-прежнему остающихся самыми малыми из известных людям форм, в современной французской литературе? Вполне очевидно, что сам жанр как таковой постепенно нивелируется, и с этим трудно спорить. Его сегодняшними модификациями можно признать так называемые авторские сатирические двух-трехстрочники, периодически появляющиеся в Интернет-

пространстве и пользующиеся популярностью среди умной и весьма развитой молодежи. Их называют «порошками». Они имеют нестандартную метрическую структуру, композицию, часто пишутся белым стихом и сопровождаются яркими карикатурами. Вполне очевидно, что это продукт меняющихся литературных норм, стандартов и канонов, отвечающих духу времени, неизбежно деформирующего классические традиции и эталоны. Однако их популярность убеждает в том, что рифмоплетство – это и поныне очень полезное увлечение, свойственное не только подросткам или уникамам. Лучшие из этих стихов, как правило, анонимных, прекрасно сохраняются в социальной сети благодаря своим гибким, легко подгоняемым размерам, отсутствию пунктуации. Такие подражания эпиграмматическому стилю имеют явную ироническую и пародийно-сатирическую направленность и вызывают неизменный интерес Интернет-пользователей, составляя определенный тренд в современном стихотворчестве.

В целом же необходимо отметить, что при всей бесспорности древнегреческого происхождения эпиграмматического жанра, его стилевые особенности настолько тесно пересекаются с острым и тонким галльским юмором, что родиной эпиграммы вполне можно считать Древнюю Францию. Последующее нивелирование эпиграммы как малого жанра во французской литературе во многом обусловлено текущими социально-политическими изменениями. Наиболее опасным врагом так называемой «чистой» эпиграммы можно смело считать расширение демократических свобод – мнений, вероисповедания, самовыражения, а также развитие периодической печати, телевидения, интернет-технологий. О том, сумеет ли эпиграмматический стиль возродиться как таковой и вернуть себе прежние позиции в литературе, рассуждать можно долго, но очевидно одно: исторически эпиграмма заметно повлияла на развитие многих малых и больших сатирических жанров.

1. Анастасьина, Е. Д., Бутько, Ю. В. Французская эпиграмма XVI-XVIII вв.: историко-лингвистический аспект // Верхневолжский филологический вестник. – Волгоград, 2017. – № 2. – С. 55-58.
2. Брагинская, Н. Б. Эпитафия как письменный фольклор. Текст: семантика и структура. – М., 1983. – С.119–139.
3. Гарачковская, О. А. Эпиграмма и пародия: проблема разграничения литературных жанров // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – № 4-1. – С. 337– 341.
4. Горностаева, Н. А. Эпитафия как отражение отношения общества к смерти (на материале англоязычных эпитафий) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2011. – Т. 13. – № 1–2. – С. 136–138.

5. Марциал, М. В. Эпиграммы / сост. и пер. Ф.А. Петровского. – М.: АСТ, 2000. – 447с.
6. Мельцер, Р. И., Недбайлик, С. Р. Эпиграммы как малый литературный жанр: обзор античных традиций // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2019. – № 1 (41). – С. 139– 144.
7. Михайлов, А. Д. Три века французской эпиграммы // Французская классическая эпиграмма / сост. и пер. В. Васильева. – М.: Просвещение, 1979. – С. 5–38. [Электронный ресурс]. – URL: <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/articles/franciya/mihajlov-tri-veka.htm> (дата обращения: 10.12.2023).
8. Мучник Евгений // Ironic [Электронный ресурс]: ироническая и юмористическая поэзия [Электронный ресурс / Текст]. – URL: <http://ironicpoetry.ru/authors/muchnik-evgeniy/>. дата обращения: 10.12.2023).
9. Несмеянов, А. В. Эпиграмма как особый тип оценочного высказывания // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – С.-П., 2007. – Т. 17. – № 43–1. – С. 238– 241.
10. Петровский, Ф. А. Эпиграмма // История греческой литературы. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 3. – С. 118–146.
11. Пронин, В. А. Теория литературных жанров: Учебное пособие. – М.: Изд-во МГУП, 1999 – 196 с.
12. Рыбакова, А. А. Экспрессивно-семантическая структура двустрочных эпиграмм XVIII - XIX вв. и языковые средства комизма // Сб. «Наука. Инновации. Технологии». – М., 2007. – № 53. – С.168–171.
13. Словарь древней и новой поэзии / сост. Н. Ф. Остолопов. – СПб: Типография Император. Рос. Акад., 1821. – Ч. 1. – 534 с.
14. Соловьева, М. В. Элементы комического во французском эпосе и проблема жанровых транспозиций (на материале цикла Гильома Оранжевого). – СПб: Изд.-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2008. – 164с.
15. Французская классическая эпиграмма/[сост.] и пер. В. Васильева. – М.: Художественная литература, 1979. – 431 с.
16. Чистякова, Н. А. Греческая эпиграмма. – СПб.: «Наука», 1993. – С. 325– 365.
17. Эпиграмма // Антология сатиры и юмора России XX в.– М.: Эксмо, 2005. – Т. 41.– 382 с.
18. Gladu, K. La grandeur des petits genres. L'esthétique rococo à l'âge de la galanterie. Hermann, « Les collections de la République des Lettres». – P., 2019. – 340p.
19. Ironic: ироническая и юмористическая поэзия [Электронный ресурс]. – URL: <http://ironicpoetry.ru> (дата обращения: 10.12.2023).
20. Smith, P. M., Mayer, C. A. La première épigramme française: Clément Marot, Jean Bouchet et Michel d'Amboise. Définition, sources, antériorité // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. – P. Librairie Droz, 1970. – Vol.32. – N. 3. – P.579–602.

EVOLUTION OF THE EPIGRAMMATIC GENRE IN FRENCH LITERATURE: A REVIEW OF HISTORICAL TRADITIONS

© 2024 S.R. Nedbaylik¹, L.Yu. Kalinina²

Sabina R. Nedbaylik, PhD in Philology,

Associate Professor of the Department of German and French of The Institute of Foreign Languages

E-mail: snedbaylik@mail.ru

Larisa Yu. Kalinina, PhD in Pedagogical Sciences,

Associate professor of the Department of Preschool Education

E-mail: klar1992@gmail.com

¹Petrozavodsk State University

Petrozavodsk, Russia

²Samara State University of Social Sciences and Education

Samara, Russia

This article regards main trends of epigrammatic style evolution in French literature of different periods. In this connection a diachronic review of the genre specific features and manifestations is carried out with accentuating close genetic links of the epigram with other small literary forms such as: epitaphs, fabliaux, elegies, madrigals, feuilletons, pamphlets, etc. Speaking about the significance of ancient Greco-Roman literary traditions in French epigrammatic style formation, the author pays tribute to the indisputable ethnic originality and uniqueness of ancient small genres: epitaphs and epigrams, the most characteristic features of which were formed in parallel, in rather close interaction and interdependence over many centuries. This is the very factor that stipulates great possibilities for varying the functional features and characteristics of the epigrammatic style in later historical periods: the Middle Ages, Renaissance, Enlightenment, Classicism,

Symbolism. The results of vast theoretical and practical material analysis fulfilled in the frame of research give full grounds to assume that the epigrammatic style traditions, laid down by the ancient authors of the Greco-Roman school, have found their worthy continuation in French literature of all historical epochs and have doubtless prospects of further independent development nowadays.

Key words: epigram, genre, trend, evolution, form, satirical, feature

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-94-17-29

EDN: AMWWLI

1. Anastas'ina, E. D., But'ko, Iu. V. Frantsuzskaia epigramma XVI-XVIII vv.: istoriko-lingvisticheskii aspekt (French epigram of the 16th-18th centuries: historical and linguistic aspect) // Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik. – Volgograd, 2017. – № 2. – S. 55-58.
2. Braginskaia, N. B. Epitafii kak pis'mennyi ol'klor. Tekst: semantika i struktura (Epitaph as written folklore. Text: semantics and structure). – M., 1983. – S. 119-139.
3. Garachkovskaia, O. A. Epigramma i parodiia: problema razgranicheniia literaturnykh zhanrov (Epigram and parody: the problem of distinguishing literary genres) // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. – 2014. – № 4-1. – S. 337- 341.
4. Gornostaeva, N. A. Epitafii kak otrazhenie otnosheniia obshchestva k smerti (na materiale angloiazychnykh epitafii) (Epitaph as a reflection of society's attitude towards death (based on the material of English-language epitaphs)) // Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. – 2011. – T. 13. – № 1-2. – S. 136- 138.
5. Martsial, M. V. Epigrammy (Epigrams) / sost. i per. F.A. Petrovskogo. – M.: AST, 2000. – 447 s.
6. Mel'tser, R. I., Nedbailik, S. R. Epigrammy kak mali literaturnyi zhanr: obzor antichnykh traditsii (Epigrams as a small literary genre: a review of ancient traditions) // Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2019. – № 1 (41). – S. 139- 144.
7. Mikhailov, A. D. Tri veka frantsuzskoi epigrammy // Frantsuzskaia klassicheskaia epigramma (Three centuries of the French epigram // French classical epigram) / sost. i per. V. Vasil'eva. – Moskva: Izdatel'stvo Prosveschenie, 1979. – S. 5-38. [Elektronnyi resurs]. – URL: <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/articles/franciya/mihajlov-tri-veka.htm> (data obrashcheniia: 10.12.2023).
8. Muchnik Evgenii // Ironic: ironicheskaia i iumoristicheskai poeziia (Ironic: ironic and humorous poetry) [Elektronnyi resurs / Tekst]. – URL: <http://ironicpoetry.ru/authors/muchnik-evgeniy/> (data obrashcheniia: 10.12.2023).
9. Nesmeianov, A. V. Epigramma kak osobyi tip otsenochnogo vyskazyvaniia (Epigram as a special type of evaluative statement) // Izvestiia RGPU im. A. I. Gertsena. – S.-P., 2007. – T. 17. – № 43-1. – S. 238 – 241.
10. Petrovskii, F. A. Epigramma (Epigram) // Istorii grecheskoi literatury. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1960. – T. 3. – S. 118-146.
11. Pronin, V. A. Teoriia literaturnykh zhanrov: Uchebnoe posobie (Theory of literary genres: Textbook). – M.: Izd-vo MGUP, 1999 – 196 s.
12. Rybakova, A. A. Ekspressivno-semanticheskaia struktura dvustrochnykh epigramm XVIII - XIX vv. I iazykovye sredstva komizma (Expressive-semantic structure of two-line epigrams of the 18th - 19th centuries. and linguistic means of comedy) // Sb. «Nauka. Innovatsii. Tekhnologii». – M., 2007. – № 53. – S.168-171.
13. Slovar' drevnei i novoi poezii (Dictionary of ancient and modern poetry) / sost. N. F. Ostolopov. – SPb: Tipografiia Imperator. Ros. Akad., 1821. – Ch. 1. – 534 s.
14. Solov'eva, M. V. Elementy komicheskogo vo frantsuzskom epose i problema zhanrovnykh transpozitsii (na material tsikla Gil'oma Oranzhskogo) (Elements of the comic in the French epic and the problem of genre transpositions (on the material of the cycle of Guillaume of Orange). – SPb: Izd.-vo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008. – 164 s.
15. Frantsuzskaia klassicheskaia epigramma (French classical epigram) / [sost.] i per. V. Vasil'eva. – M.: Khudozhestvennaia literatura, 1979. – 431 s.
16. Chistiakova, H. A. Grecheskaia epigramma (Greek epigram). – SPb.: «Nauka», 1993. – S. 325- 365.
17. Epigramma // Antologii satiry i iumora Rossii XX v. (Epigram // Anthology of satire and humor of Russia in the 20th century). – M.: Eksmo, 2005. – T. 41. – 382 s.
18. Gladu K. La grandeur des petits genres. L'esthétique rococo à l'âge de la galanterie. Hermann, « Les collections de la République des Lettres». – P., 2019. – 340 p.
19. Ironic: ироническая и юмористическая поэзия [Elektronnyi resurs]. – URL: <http://ironicpoetry.ru> (data obrashcheniia: 10.12.2023).

20. Smith, P. M., Mayer, C.A. La première épigramme française: Clément Marot, Jean Bouchet et Michel d'Amboise. Définition, sources, antériorité // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. – P. Librairie Droz, 1970. – Vol.32. – N. 3. – P. 579–602.